

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 34.03

А. Г. Репьев

ПРАВОВЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ

В статье анализируются юридические институты «правовое преимущество» и «законодательное исключение». С теоретико-правовых и отраслевых позиций исследуются и аргументируются элементы их единства, различия, взаимодействия и противоречия. Обращается внимание на то, что, к сожалению, в ряде научных работ вовсе не проводится различие между такими категориями права и средствами регулирования общественных отношений, как «преимущество» и «исключение». Не разделяя подобных взглядов, отталкиваясь от соотнесения преимуществ со схожими по своим свойствам, признакам общеправовыми категориями, автор выявляет повторяющиеся или одинаковые моменты, абстрагируясь от специфики каждого конкретного типа преимуществ в праве — иммунитета, льготы, привилегии и др., — выделяя среди этого то общее, что свойственно всей их массе. Прослеживаются инструментальные связи категорий, обуславливающие имеющиеся коллизионные, противоречивые положения. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: правовое преимущество, исключение, правовое регулирование, ограничение, запрет.

А. G. Repyev

LEGAL ADVANTAGES AND LEGISLATIVE EXCEPTIONS

In the article the legal institutes “legal advantage” and “a legislative exception” are exposed to analysis. From theoretico-legal and branch positions elements of their unity, distinction, interaction and contradiction are investigated and reasoned through. Attention is drawn to the fact that, unfortunately, in a number of scientific works the distinction between such categories of the right and means of regulation of the public relations as “advantage” and “exception” has not been carried out at all. Without sharing similar views, and starting from a correlation of advantages with similar properties, marks of general legal categories, iterating or identical moments are brought to light by the author. These are also abstracted from the specifics of each concrete type of advantage in law: immunity, exemption, privilege, etc., distinguishing their particular characteristics and identifying what is common among them. On the basis of this, we then trace the tool of communication of categories that prompt conflict between them and examine contradictory provisions. Refs 18.

Keywords: legal advantage, exception, legal regulation, restriction, ban.

Репьев Артем Григорьевич — кандидат юридических наук, доцент, Барнаульский юридический институт МВД России, Российская Федерация, 656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49; repyev-artem@yandex.ru

Repyev Artem G. — PhD, Associate Professor, Barnaul legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 49, ul. Chkalova, Barnaul, 656038, Russian Federation; repyev-artem@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Понятие «правовое преимущество» сегодня ново для юридической науки. Ученое сообщество, занимающееся исследованием теории равенства, дифференциации, правового регулирования через элементы дозволений и стимулов, специальных правовых статусов, предпочитает, как правило, не использовать термин «преимущество» именно в качестве юридического понятия. Это слово применяется скорее как синоним, позволяющий избежать лексической тавтологии при употреблении в текстах своих работ таких форм объективного неравенства, как «льгота», «привилегия», «иммунитет», «особые процедуры» и пр.

Так было не всегда. На определенных исторических этапах и в доктринальных источниках права, и в законодательных нормах широко использовалось понятие «правовое преимущество». Затем, по-видимому, объективные обстоятельства, связанные с усложнением общественных отношений, их многообразием, привели к тому, что стало затруднительным описывать особенности и специфику правового регулирования именно термином «преимущество». Потребность в обогащении языка права и законодательства детерминировала процесс вытеснения конкретного понятия «правовое преимущество» абстрактным. Д. А. Керимов писал об этом так: «Исторически понятия в законодательстве могут быть конкретными и абстрактными», последние охватывали «значительно бóльшую часть возникавших в действительности явлений, процессов, а также поведение людей» [1, с. 11]. Категория «преимущество» не избежала этого. Попробуем доказать ложность подобного пути подмены конкретного термина абстрактным, который, как мы полагаем, приведет к неблагоприятному в научном, правотворческом и правоприменительном аспектах результату. Например, под описание преимуществ в праве станут подпадать объекты правового регулирования, по сути не охватываемые данным явлением.

Не отвергая таких положительных сторон теории научной абстракции, как широта и гибкость применения, возможность раскрытия взаимосвязей между разнорядковыми сущностями за счет изучения соотношения и определения той, что является первичной, попытаемся добиться от такого синтеза детализации знаний о преимуществах в праве, развить и приумножить их. Это позволит обнаружить внутреннюю связь всех элементов правового неравенства, общность и в то же время различия, отделить главное от несущественного. Данный процесс осветит элементы взаимодействия и развития, что в конечном счете обеспечит возможность выявить противоречия.

Эволюция понятия «правовое преимущество» представляется нам таковой:

1) будучи образованным в результате правоприменительной деятельности (в частности, судебных процессов) римских юристов, оно не имело глубокого теоретического обоснования: не были ясны характерные признаки, связи с иными понятиями и явлениями права и государства;

2) анализируя донаучный, эмпирический материал о способах воздействия на отношения в обществе, ученые стали подвергать понятие «правовое преимущество» глубокому анализу, и оно перешло к стадии внутренней эволюции; способствуя накоплению представлений о месте и роли в системе теории права, эта деятельность вышла за рамки теоретических конструкций и формального определения; за счет вспомогательных абстракций (проявлений преимуществ в отношениях не только между людьми, но и, например, государствами) понятие обрело дополнительные признаки;

3) развиваясь поэтапно, понятие «правовое преимущество» постепенно получило иные признаки завершенной правовой категории, дополняющие его содержание: виды, структура и пр., в том числе за счет соотношения с иными явлениями теории правовой дифференциации и неравенства; логичным окончанием процесса стало робкое использование данного термина в языке нормативных правовых актов, правда, не всегда согласованное и взаимосвязанное; до настоящего времени, к сожалению, общепотребимый термин «преимущество» и его юридизированный вариант «правовое преимущество» так и не получили конкретного, специального значения.

Т. Н. Радько точно подметил, что «юридическая наука создала большую систему юридических понятий, отражающих различные стороны сущности и формы права», которые, «с одной стороны, закрепляют достигнутый уровень познания права, с другой, являются своего рода исходными ступенями для дальнейших исследований, для выработки новых категорий, понятий» [2, с. 59]. Такой отправной точкой для концептуального исследования правовых преимуществ стали труды периода построения коммунистического государства, а следом — и перехода от советской модели государственно-правового развития к российской.

Один из виднейших представителей Саратовской школы философии права В. А. Шабалин видел в правовых преимуществах в первую очередь регулятивное и социальное начало: «Преимущества дают праву возможность воспринимать внутреннее императивы развития общественных отношений и структур, действовать в соответствии с ними» [3, с. 135].

Ученым, впервые начавшим рассматривать на теоретико-правовом уровне правовые преимущества как самостоятельную категорию, был представитель Свердловской школы правоведения С. С. Алексеев. И пусть в его работах названный институт изучался в аспекте более широкой категории «дозволение» [4, с. 64], тем не менее это привлекло несомненный научный интерес и заложило фундамент для дальнейшего развития данного направления.

Одним из первых современных отечественных авторов, осознанно употребивших категорию «правовое преимущество» для раскрытия сущности льгот и привилегий, был Н. С. Бондарь. Он представил ее в виде положительного изъятия из общего правового статуса, которое оказывает стимулирующее влияние на поведение человека и гражданина, и поэтому «общественно значимый результат установления оправдывает допускаемое исключение из общего режима равноправия» [5, с. 50].

А. В. Малько и И. С. Морозова в своем фундаментальном исследовании льгот употребляли термин «преимущество» как в самой дефиниции льготы, понимая под ними дополнительные, особые права, и вместе с тем применяли конструкцию «правовые преимущества» в понимании юридического средства реализации стимулов и ограничений [6, с. 49, 51, 54, 68]. Мы были бы полностью солидарны с такой точкой зрения, если бы не одно обстоятельство. При описании материальных и процессуальных льгот авторы в одном ряду использовали и термин «преимущество», и термин «исключение»: «Льготы — это преимущества, исключения из единых требований нормативного характера» [6, с. 76–77].

Подобная широкая трактовка категории «правовое преимущество» без должного учета ее смысловой и юридической многогранности нами не поддерживается.

ся. Безусловно, хорошо известно, что термин «преимущество» часто используется именно в общесоциальном, экономическом, обыденном значениях. Вместе с тем иммунитеты, привилегии и льготы, будучи давно сложившимися юридическими понятиями и категориями, не могут искусственно рассматриваться вне права. В таком случае нас ожидает отход от формализованности, терминологической четкости, точности при построении норм в системе законодательства. Кроме того, в рамках данной работы мы постараемся доказать различие в понимании и юридическом содержании категорий «исключение» и «преимущество», о чем речь пойдет ниже.

Все перечисленные и многие другие работы значительно обогатили терминологический аппарат теории правового регулирования, создали необходимый базис для комплексного исследования такой межотраслевой категории, как «правовое преимущество». Следующим шагом должно стать определение места преимуществ в системе социальной и правовой дифференциации.

Полагаем, что наиболее интересным методом при изучении понятия правовых преимуществ и соотношении его со схожими правовыми категориями является инструментальный подход. Юридическое средство, выступая ключевым элементом инструментальной теории права, позволяет сравнить преимущества с иными правовыми формами социальной дифференциации. На это нас наталкивают и имеющиеся научные труды в данной области. Их авторы чаще всего при описании общественных отношений, которые не могут быть урегулированы одностипными правилами, что обуславливает необходимость установления пределов отклонения от нормы посредством приемов юридической техники, предлагают предусмотреть для этого в законодательстве различные правовые средства, характеризующиеся прилагательными «исключительный», «специальный», «особый». Наиболее распространен подход, в рамках которого привилегии, иммунитеты и льготы рассматриваются именно как исключительные юридические средства [7, с. 353; 8, с. 218; 9, с. 277].

Учитывая количество работ, посвященных в последние годы исключениям, и общий интерес ученых к этой теме, попробуем остановиться на элементах *единства* и *различия* исключений и преимуществ, выделив также аспекты их взаимодействия и существующие противоречия.

Единство исключений и преимуществ. Обе категории, во-первых, обладают свойствами *социальных регуляторов*, а во-вторых, выступают в определенном смысле в виде *изъятий* из более общих правил. Зачастую законодатель в одной норме устанавливает несколько правовых преимуществ (в примере, приведенном ниже, это иммунитет от изъятия собственности и льгота в форме компенсации за понесенный ущерб) и юридическое исключение, формулируя его при помощи оговорки «*в случае*». Так, собственность стран Содружества Независимых Государств, согласившихся на взаимное признание прав, «не может быть подвергнута принудительному изъятию, кроме как в исключительных случаях, предусмотренных законодательными актами. В случае принудительного изъятия упомянутой собственности ее владельцу государством выплачивается компенсация»¹. Приведенные доводы не лишней раз подтверждают известную формулу — «их общность

¹ Статья 15 Соглашения стран Содружества Независимых Государств от 9 октября 1992 г. «О взаимном признании прав и регулировании отношений собственности» // Бюллетень международных договоров. 1993. № 10.

в их различии», поскольку во многом преимущества и исключения, имея наивысшую ценность с точки зрения инструментальной теории как эффективные юридические средства воздействия на отношения в обществе, все же представляют собой различные «слои, ярусы» [4, с. 116] правового регулирования.

К сожалению, и нормы-преимущества, и нормы-исключения могут излагаться при помощи *бланкетного, или отсылочного, способа*. С исключениями этот прием весьма оправдан, поскольку они выступают все же нетипичным правилом и не распространяются на всю систему регулируемых отношений. Например, «заработная плата каждого работника зависит от его квалификации, сложности выполняемой работы, количества и качества затраченного труда и максимальным размером не ограничивается, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом»². Совсем иная ситуация с правовыми преимуществами. Поскольку они зачастую выступают дополнением специального правового статуса лица, тем самым налагая определенные обязанности, ограничения и запреты на действия других, думается, что они должны быть прямо закреплены в отправной норме. В противном случае это снижает эффективность их применения, создает дополнительные сложности для реализации. Пример, когда отсылочная норма содержится сразу в нескольких нормативных правовых актах: «В случае выявления сотрудником достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, совершенного иностранным гражданином, предъявившим документы, подтверждающие наличие иммунитета от административной юрисдикции РФ, вопрос об административной ответственности указанного лица согласно ст. 2.6 Кодекса в соответствии с федеральными законами и международными договорами Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права»³.

И правовые преимущества, и исключения тесно *связаны* в процессе регулирования общественных отношений с *правовыми ограничениями, запретами и обязанностями*. Но если для исключений эта связь имеет взаимообуславливающий характер (см. об этом ниже), то для преимуществ ограничения играют роль дополнительного элемента сдерживания нежелательного поведения. Например, преимуществом в форме свидетельского иммунитета обладают арбитры (третейские судьи), а в отношении лиц, производящих предварительное расследование, действует ограничение по их допросу в качестве свидетелей об обстоятельствах, ставших известными в ходе арбитража (третейского разбирательства)⁴. В этом ключе преимущества, ограничения и запреты выступают в виде дополнительных гарантий независимого и беспристрастного механизма процессуального судопроизводства.

Различия исключений и преимуществ. Из названных выше сходств вытекают и различия исследуемых феноменов.

² Статья 132 Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

³ Пункт 227 Приказа МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел РФ исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения» // Российская газета. 2009. 7 июля.

⁴ Пункт 7 ч. 3 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Исключения — это инструмент реализации *ограничений* в праве, возможно, даже его ликвидации⁵, а правовые преимущества — одно из высших проявлений *дозволения*, т.е. форма максимальной свободы выбора поведения субъекта (разумеется, в рамках нормы права), опосредованная его социальной и гражданской активностью, профессиональными и личными качествами, способствующая наиболее полному удовлетворению интересов личности, общества и государства. В таком виде тезис не противоречит общетеоретическому пониманию категории «дозволение» [4, с. 54; 10, с. 9–11]. Исключения же в праве — это всегда отделение одного от другого: дозволенного от недозволенного, преступного от непроступного. При ограничении прав и свобод может происходить их умаление, а последнее как раз и осуществляется путем либо исключения, либо сужения объема и содержания прав. Например, разновидностью привилегии как формы правового преимущества выступает получение земельного участка для ведения сельского хозяйства, жилищного строительства. Однако данное дозволение может быть ограничено на основании неиспользования по целевому назначению собственником в течение трех лет. Отделить возможность использования участка по назначению от невозможности призвано исключение: «В этот период не включается время, в течение которого участок не мог быть использован по целевому назначению из-за стихийных бедствий или ввиду иных обстоятельств, исключающих такое использование»⁶. Мы в своих рассуждениях относительно подобного подхода к рассмотрению ограничений и исключений не одиноки. Ряд авторов также настаивает на том, что исключительные режимы формируются с помощью средств ограничения [11, с. 11; 12, с. 27]. Н. Н. Семенюта пишет по этому поводу: «Правовое ограничение представляет собой установление исключений, изъятий из конкретного запрета или дозволения, введение различных обременений или дополнительных условий для возникновения возможности пользоваться каким-либо правом или исполнять какую-либо обязанность» [13, с. 33].

Юридические исключения являются в том числе элементом судебного право-творчества и могут быть закреплены в актах правосудия. Об этом пишут ученые [9, с. 238; 14, с. 123], это доказывает практика⁷. Правовые преимущества как формы дополнения и, если можно так выразиться, «усиления» основных прав человека на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, собственность не могут устанавливаться решениями судебных органов.

Исключения могут быть выражены в форме запрета, а преимущества — это всегда дозволение, предоставление бóльших возможностей. Так, временный запрет деятельности — это применяемая только в исключительных случаях мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, за совершение которых предусмотрено назначение наказания в виде административного

---

⁵ См., напр., основания аннулирования (исключения) записи из реестра акционеров: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 16 октября 2007 г. № Ф04-7350/2007(39441-А70-11) по делу № А70-9665/10-2006 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.04.2017); Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 февраля 2014 г. по делу № А56-40458/2013 // Там же.

⁶ Статья 284 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁷ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8. С. 204–215.

приостановления деятельности, заключающаяся в принудительном кратковременном, установленном на срок до рассмотрения дела судом или иными уполномоченными должностными лицами, прекращении деятельности филиалов, представительств, структурных подразделений юридического лица, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг⁸.

Правовые преимущества — это всегда форма одобрения государством деятельности субъекта, его места и роли в обществе, желаемого наступления последствий, а исключения — дополнительное условие предоставления благ. Так сложилось исторически: «В ободрение мануфактур, а наипаче суконных фабрик Высочайшая воля Государя Императора есть, чтобы вольным фабрикантам позволить выдаваемые на их фабриках сукна обращать по их изволению, но с тем, чтобы прежде всего выставлено ими было ежегодно все количество сукна для Комиссариата потребное»⁹.

Правовое преимущество — не только институт регулирования общественных отношений, но и один из элементов специального правового статуса (военнослужащих, государственных служащих, осужденных и пр.); исключение по своей природе не является элементом правового статуса, а выступает юридическим средством регламентации нестандартных общественных отношений за счет создания альтернативного правилу варианта поведения, путем соответствующих приемов юридической техники — «за исключением», «кроме», «помимо» и т. д. Об этом свидетельствуют труды в рассматриваемой области [9; 11, с. 9]. Сказанное обуславливает и дополнительное различие — *адресность*. Правовые преимущества, как правило, обращаются на конкретную категорию субъектов, а исключения — на неопределенный круг лиц, характеризуются ситуативностью, корректируют общие для всех правила.

Взаимодействие исключений и преимуществ. Преимущества могут (а в ряде случаев и должны) сопровождаться исключениями из них, а исключения преимуществами — полагаем, нет. В частности, ранее мы указывали на необходимость установления исключения из правового преимущества в форме иммунитета судей. Норма ч. 5 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» устанавливает, что судья, задержанный по подозрению в совершении преступления, если его личность не могла быть известна в момент задержания, после ее установления подлежит немедленному освобождению¹⁰. С одной стороны, обозначенное категоричное требование не совсем оправдано с позиции воплощения в жизнь целей уголовно-процессуального права. Оно может снизить эффективность процесса раскрытия и расследования преступления, препятствовать производству неотложных следственных действий, закреплению следов преступления и т. д. С другой стороны, данное положение полностью соответствует реализации юридической

⁸ Статья 27.16 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁹ Именной указ, объявленный Генерал-Прокурором Главному Директору Мануфактур-Коллегии от 18 сентября 1800 г. «О дозволении вольным фабрикантам выдаваемым на их фабриках сукна обращать в вольную продажу» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 года. Т. XXVI. 1800–1801. СПб., 1830. С. 313.

¹⁰ Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

природы иммунитета, направленного на защиту судей. На наш взгляд, адекватной и компромиссной мерой законодателя стала бы следующая редакция нормативного правового акта:

«5. Судья, задержанный по подозрению в совершении преступления или по иному основанию либо принудительно доставленный в любой государственный орган, если личность этого судьи не могла быть известна в момент задержания, после установления его личности подлежит немедленному освобождению, *кроме случаев задержания на месте преступления*» [15, с. 68].

При взаимодействии данных средств правового регулирования присутствуют и *противоречия*. Подтверждением сказанного служит наличие в законодательстве не только исключений из правовых преимуществ, но и исключений из исключений. Например, свидетельский иммунитет родственников как разновидность преимуществ может быть ограничен исключением, исходя из категории дела [16, с. 67]. Член Совета Федерации РФ или депутат Государственной Думы РФ, обладающие широкими правовыми преимуществами в виде иммунитета от задержания, ареста, досмотра, обыска, все же могут быть подвержены мерам государственного принуждения в случае задержания на месте преступления¹¹. Оговорка «в случае» выступает наиболее типичным средством закрепления в текстах нормативных правовых актов такого технико-юридического средства, как исключение [17, с. 58]. Если следовать ранее обозначенной логике, исключение ограничивается исключением. Не слишком ли сложная сентенция?

Таким образом, по нашему мнению, исключение — это все же прием юридической техники, в чем-то схожий с такими приемами, как *примечание и дополнение*. Объединяет их то, что они представляют собой государственно-властное, нормативное установление, закрепляющее определенные правовые положения, сопутствующие отправной норме, вместе с тем являясь обязательными для исполнения в процессе правоприменительной деятельности [18, с. 15]. С одной только поправкой: исключение есть нетипичное установление, альтернативное правилу, благодаря чему все же сохраняется всеобщность нормативного и правового регулирования.

Подведем итоги.

Исследование правовых преимуществ показало связь с такими категориями материалистической диалектики, как «абстрактное» и «конкретное». Это проявилось в эволюции научного понятия «правовое преимущество» от абстрактного к конкретному, затем наоборот, и снова — в обратном порядке. Вначале, не имея целостного представления о системе юридических дозволений так называемого высшего порядка, неподверженности одних людей общим запретам и обязательствам, ученые стремились разделить процесс познания на составные части, упростить его, познать отдельные элементы преимуществ в обособленном виде. Следствием стали теоретико-правовые и отраслевые исследования таких форм преимуществ, как иммунитеты, патенты, привилегии, льготы, прерогативы и т. д. Сегодня закономерности государственно-правового развития требуют от нас воссоединить разорванные связи данных явлений, придать им целостность, единство. Вся эта мыслительная деятельность привела к обоснованному, как нам представляется,

¹¹ Статья 19 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ» // СЗ РФ. 1994. № 2. Ст. 74.

тезису о присутствии в праве и законодательстве *системы правовых преимуществ*, органично включающей в себя отдельные виды и формы отступлений от равенства, установление между ними связей, взаимодействия, единства и противоположностей.

На уровне правоприменения преимущества в праве всегда связаны с расширением конкретных возможностей субъекта отношений, выступая дополнительным средством в механизме правового регулирования. Также преимущество может выступать как норма права: либо самостоятельная, либо часть управомочивающей, обязывающей или запрещающей нормы — в зависимости от целей правового регулирования.

Завершая рассмотрение эволюции понятия «правовое преимущество», мы не могли не коснуться его нормативного выражения. Несмотря на, казалось бы, фундаментальные положения относительно того, что основой нормативного правового акта и его исходным материалом являются правовые понятия, практика показывает иную ситуацию. Используя конструкцию «правовое преимущество» свыше 400 раз в различных сочетаниях, таких как «преимущество», «преимущественное право», «приоритетное право», законодатель тем не менее не сделал попытки сформулировать это понятие. Видимо, здесь следует говорить о пока не состоявшемся переходе научного понятия «правовое преимущество» в легитимную, нормативно-закрепленную дефиницию. О тех практических и научных последствиях, которые обуславливают это упущение (будь то некавалифицированное правоприменение, неграмотное и малоэффективное совершение юридически значимых поступков или же обеднение доктринальной терминологии, отсутствие процесса взаимообогащения теории и практики и пр.), думается, известно. Правовые преимущества сегодня представляют собой специальную дефиницию, т. е. такое определение понятия, которое, имея общую, устоявшуюся характеристику в бытовой и социальной сферах, отражает специфику применения в праве. В этом, на наш взгляд, проявляется отечественная особенность подготовки и принятия нормативных правовых актов.

Правовое преимущество — это юридическое средство, заключающееся в правовой возможности субъекта удовлетворить свои интересы наиболее полно и всесторонне и выражающееся как в предоставлении особых дополнительных прав, так и в неподверженности определенным нормам, обязанностям, запретам и ограничениям.

Литература

1. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. 560 с.
2. Радько Т. Н. Теория функций права: монография. М.: Проспект, 2014. 272 с.
3. Шабалин В. А. Методологические вопросы правоведения. В связи с теорией и практикой социалистического управления. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 226 с.
4. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. 288 с.
5. Бондарь Н. С., Капранова Ю. В. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 2002. 192 с.
6. Малько А. В., Морозова И. С. Льготы в российском праве (проблемы теории и практики): монография. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2004. 276 с.
7. Мушинский М. А., Иордан Т. А. Техника правотворческого установления юридических иммунитетов // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 353–356.

8. Романенко Н. В. О равенстве перед законом и судом как конституционном принципе правосудия // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 215–221.
9. Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ: монография / под ред. А. В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2016. 376 с.
10. Братко А. Г. Запреты в советском праве: юридическая литература / под ред. Н. И. Матузова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1979. 92 с.
11. Афзалетдинова Г. Х. Исключительные режимы в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 202 с.
12. Беляева Г. С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2013. 45 с.
13. Семенюта Н. Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. 216 с.
14. Гук П. А., Суменков С. Ю. Правовые исключения и их реализация в судебной деятельности // Журнал российского права. 2006. № 8 (116). С. 123–130.
15. Репьев А. Г. Иммуниет как категория российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 253 с.
16. Быканов А. М. Институт свидетельского иммунитета в уголовном процессе Российской Федерации и ряда европейских государств (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2012. № 4 (30). С. 66–70.
17. Суменков С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7 (151). С. 58–67.
18. Бокова И. Н. Юридическая техника в уголовном законодательстве (теоретико-прикладной анализ главы 22 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 20 с.

Для цитирования: Репьев А. Г. Правовые преимущества и законодательные исключения // Вестник СПбГУ. Право. 2017. Т. 8. Вып. 4. С. 392–402. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2017.401>

References

1. Kerimov D. A. *Metodologija prava (predmet, funkcii, problemy filosofii prava)* [Methodology of law (subject, functions, legal philosophy problems)]. 2nd ed. Moscow, Avanta+ Publ., 2001. 560 p. (In Russian)
2. Radko T. N. *Teoriia funktsii prava: monografiia* [Theory of functions of law: monograph]. Moscow, Prospectus Publ., 2014. 272 p. (In Russian)
3. Shabalin V. A. *Metodologicheskie voprosy pravovedeniia. V sviazi s teoriei i praktikai sotsialisticheskogo upravleniia* [Methodological questions of jurisprudence. In connection with the theory and practice of socialist management]. Saratov, Saratov University Publishing House, 1972. 226 p. (In Russian)
4. Alekseev S. S. *Obshchie dozvoleniia i obshchie zaprety v sovetskom prave* [The general permissions and the general bans in the Soviet law]. Moscow, Legal literature Publ., 1989. 288 p. (In Russian)
5. Bondar' N. S., Kapranova Ju. V. *Konstitutsionnoe izmerenie ravnopraviiia grazhdan Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional measurement of equality of citizens of the Russian Federation]. Rostov-on-Don, Publishing House of the Rostov State University, 2002. 192 p. (In Russian)
6. Mal'ko A. V., Morozova I. S. *Lgoty v rossiiskom prave (problemy teorii i praktiki): monografiia* [Privileges in Russian law (Problems of the theory and practice): monograph]. Saratov, Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2004. 276 p. (In Russian)
7. Mushinskij M. A., Iordan T. A. *Tekhnika pravotvorcheskogo ustanovleniia iuridicheskikh immunitetov* [Tekhnika of law-making establishment of legal immunities]. *Iuridicheskaiia tekhnika* [Legal equipment], 2012, no. 6, pp. 353–356. (In Russian)
8. Romanenko N. V. *O ravenstve pered zakonom i sudom kak konstitutsionnom printsipe pravosudiia* [About equality before the law and court as the constitutional principle of justice]. *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 2014, no. 2 (48), pp. 215–221. (In Russian)
9. Sumenkov S. Ju. *Iskliucheniiia v prave: teoretiko-instrumental'nyi analiz: monografiia* [Exceptions in the right: theoretical and instrumental analysis: monograph]. Ed. by A. V. Mal'ko. Moscow, Yurлитinform Publ., 2016. 376 p. (In Russian)
10. Bratko A. G. *Zaprety v sovetskom prave: iuridicheskaiia literatura* [The prohibitions in the Soviet law: legal literature]. Ed. by N. I. Matuzov. Saratov, Publishing house Saratov University, 1979. 92 p. (In Russian)
11. Afzaletdinova G. Kh. *Iskliuchitel'nye rezhimy v rossiiskom prave*. Diss. kand. iurid. nauk [The exclusive modes in Russian law. Dis. of PhD]. Moscow, 2016. 202 p. (In Russian)

12. Beliaeva G. S. *Pravovoi rezhim: obshcheteoreticheskoe issledovanie*. Authoref. diss. d-ra iurid. nauk [Legal regime: general-theoretical research. Thesis of diss. doctor of Law Sciences]. Kursk, 2013. 45 p. (In Russian)
13. Semeniuta N. N. *Zaprety i ogranicheniia v pravovom regulirovanii trudovykh otnoshenii v Rossiiskoi Federatsii*. Diss. kand. iurid. nauk [The bans and restrictions in legal regulation of the labor relations in the Russian Federation. Dis. of PhD]. Omsk, 2000. 216 p. (In Russian)
14. Guk P. A., Sumenkov S. Ju. Pravovye isklucheniia i ikh realizatsiia v sudebnoi deiatel'nosti [Legal exceptions and their realization in judicial activity]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [The Magazine of Russian Law], 2006, no. 8 (116), pp. 123–130. (In Russian)
15. Rep'ev A. G. *Immunitet kak kategoriia rossiiskogo prava*. Diss. kand. iurid. nauk [Immunity as category of Russian law. Diss. of PhD]. Saratov, 2011. 253 p. (In Russian)
16. Bykanov A. M. Institut svidetel'skogo immuniteta v ugovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii i riada evropeiskikh gosudarstv (sravnitel'no-pravovoi analiz) [Institute of witness immunity in criminal trial of the Russian Federation and a number of the European states (the comparative and legal analysis)]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury RF* [The Bulletin of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation], 2012, no. 4 (30), pp. 66–70. (In Russian)
17. Sumenkov S. Ju. Iskluchitel'nyi sluchai: problemy zakonodatel'nogo opredeleniia [Exceptional case: problems of legislative definition]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Magazine of Russian law], 2009, no. 7 (151), pp. 58–67. (In Russian)
18. Bokova I. N. *Iuridicheskaia tekhnika v ugovnom zakonodatel'stve (teoretiko-prikladnoi analiz glavy 22 UK RF)*. Authoref. diss. kand. iurid. nauk. [The legal equipment in the criminal legislation (Theoretical and applied analysis of chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Thesis of PhD]. Nizhnii Novgorod, 2002. 20 p. (In Russian)

For citation: Repyev A. G. Legal advantages and legislative exceptions. *Vestnik SPbSU. Law*, 2017, vol. 8, issue 4, pp. 392–402. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2017.401>

Статья поступила в редакцию 11 мая 2017 г.,
рекомендована в печать 29 августа 2017 г.